

Андрей ЗВЯГИНЦЕВ, режиссер:

Я хочу быть таким, каким был еще два месяца назад

Известия 2003 — 10 септ — С. 12

Ему тридцать девять. Он родился в Новосибирске, служил в армии, учился в театральном училище, потом в ГИТИСе. Был актером — не очень успешным. Снимал рекламу — чтобы заработать денег на жизнь. Потом снял фильм «Возвращение», получил два венецианских льва (впервые за всю историю фестиваля) и стал мировой сенсацией. Прилетев в Москву на один день, режиссер Андрей ЗВЯГИНЦЕВ пообщался с обозревателем «Известий» Анной КОВАЛЕВОЙ.

— В Венеции вы узнали о себе что-то новое?

— Я не читал итальянскую критику, не знаю итальянского. Но заголовки понял: «Звягинцев — титан» и так далее. Хотя должен заметить, что иностранные журналисты совсем по-другому общаются, чем русские, с большим пониманием, что ли... Они предлагают свои интерпретации. Я услышал немало интересных вещей о своем фильме, которые меня поразили, и с некоторыми из них трудно спорить.

— Ну и как, вы себя титаном ощущаете?

— Не знаю, нет. Просто сейчас я живу в каком-то нереальном ритме, к которому совершенно не был готов. И я хочу быть таким, каким я был еще два месяца назад. Это единственный выход из положения, в котором я сейчас оказался. Конечно, это сумасшедшее событие, но кроме меня к нему причастны и многие другие люди: продюсер, оператор-постановщик, сценаристы, пример, вся компания «REN-фильм».

— Каким вы были еще два месяца назад?

— Не знаю... Об этом надо спросить моих друзей. Но я знаю точно, что не хочу превратиться в тусовочного человека, ходить на бесконечные вечеринки и общаться со светскими львами. Я не люблю такую среду, я в ней чувствую себя очень некомфортно: не понимаю, о чем говорить, что пить и как одеваться...

— Тогда где же вам лучше?

— Дома — среди людей, которые давно меня знают. Быть на съемочной площадке — это испытывать

счастье каждую минуту, радость, удовольствие от того, что занимаешься именно тем, чем хочешь.

— О чем «Возвращение» — о любви, о семье, об одиночестве, о душе?

— Не хочу об этом говорить.

— Почему?

— Зритель должен остаться наедине с экраном, в тишине, тет-а-тет с фильмом. Я не хочу ориентировать взгляд зрителя, чтобы у него появилось свое видение, свое понимание. Если вы комментируете свою работу, вы отнимаете у того, кто ее смотрит, право на собственную интерпретацию.

— Не боитесь, что вас неправильно поймут?

— Нет. Поступок, жест, явление, событие происходит на глазах у всех, я говорю сейчас абстрактно. Все смотрят на это событие, и каждый интерпретирует его по-своему. И я не могу позволить себе вмешиваться в этот творческий процесс. Пусть понимают, как угодно. Если я буду подсказывать, говорить о смыслах, то зачем нужно было снимать этот фильм? Чтобы потом рассказать, о чем он? Пусть смотрят и разбираются, для чего он снят и зачем.

— Западная пресса уже назвала вас современным Тарковским. Что вы на это скажете?

— Это лестное сравнение, но не мне об этом судить. Но согласитесь, естественно, что любой человек, который работает в России в области кино, не может не испытывать на себе влияние Тарковского, Германа, Иоселиани... разве это плохо, что на тебя влияет человек, который является гением кино. Но



я бы не хотел, чтобы такие сравнения делались и дальше. Я хочу быть собой.

— Не боитесь оказаться режиссером одной картины?

— Мне звонил Сева Новгородцев и задал примерно такой же вопрос. Он сказал, что после такого грандиозного успеха может произойти такой же грандиозный провал и не лучше ли уйти сейчас, чтобы не сталкиваться потом с разочарованием. Человек, который чрезмерно честолюбив, наверное, так бы и поступил. Важно лишь то, что я очень люблю кино и хочу им заниматься, пусть даже я буду совершать ошибки. В конце концов очень многие великие люди ошибались. Разве успех лишает права на ошибку? И потом я так счастлив на съемочной площадке. Зачем мне лишать себя этого счастья? Во имя чего? Я не понимаю...

— Вы уже знаете, когда и с чем окажетесь на съемочной площадке?

— Пока ничего определенного нет. Мы ищем сценарии, есть какие-то давние идеи, есть авторы, которыми хотелось бы заниматься.

— И это?..

— Хулио Кортасар, Томас Манн, Федор Достоевский... Есть еще один замечательный сюжет у Иосифа Бродского. Какой — не скажу.

— Замахнулись на великих?

— Петр Первый сказал: «Замахивайся на большое, а то на малом кулак расшибешь».

— Что оказалось тяжелее всего в успехе?

— Я никогда в жизни так не трудился, даже на съемках. Первые два дня даже не обедал и не ужинал.

— И что вы делали вместо этого?

— По десять часов кряду разговаривал с журналистами. И в общем-то все время об одном и том же одно и то же. Я понял, что на фестивале ты себе не принадлежишь. И это сильно утомляет. Церемония награждения была довольно скучной: она шла на итальянском, мы не понимали ни слова, а переводчика с нами почему-то не было. Только когда на экране высвечивалась номинация, становилось ясно, кто получает и за что. Но вообще самым трудным было дожидаться Венеции. Когда мне сказали, что нас приглашают Монреаль и Локарно в конкурсную программу, я тихонечко, не настаивая, сказал: «А, может быть, дожидаться Венеции?». Мне ответили: «Конкурсная программа в Венеции? Да забудьте об этом!!!». Впрочем, ждать пришлось недолго — один день.

— Похоже, что медные трубы вам по плечу?

— Надеюсь... Да, пока я нахожусь в этом событии и переживаю его, но отчетливо осознаю, что этот дым рассеется, все это внимание уйдет, и слава Богу... Хочется заниматься делом, а не бегать по пресс-конференциям и прямым эфирам. Это не дело для режиссера.

— Когда «Возвращение» покажут в России?

— Официальная, полужакрытая, премьера в конце сентября. Продюсер Дмитрий Лесневский говорит, что в прокат фильм выйдет в октябре или в ноябре, и я этого очень жду. Потому что на самом деле я снял этот фильм для русского зрителя.